

Проверено 1866

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 2.

ФЕВРАЛЬ

1896.

С.Л.Б.

Типографія Правительствующаго Сената.

1896.

1938-4-437

883

Югъ нашего государства вообще въ отношеніи университетовъ богаче сѣвера и востока, почему первое мѣсто въ таблицѣ и занимаетъ весь югъ; процентное отношеніе мировыхъ судей съ высшимъ образованіемъ (61—76,в) стоитъ тамъ даже выше, чѣмъ въ семи губерніяхъ изъ числа тѣхъ, гдѣ мировые судьи назначаются правительствомъ.

Сѣверныя губерніи, бѣдныя путями сообщенія, далекія отъ университетовъ, стоятъ въ концѣ таблицы. Новгородская губернія, занимающая послѣднее мѣсто, рядомъ съ Вологодской, въ дѣйствительности, въ своей восточной части, по отрѣзанности отъ столицъ, ничѣмъ не отличается отъ губ. Вологодской; западная же часть этой губерніи, очевидно по близости къ Петербургу, оставляетъ въ разныхъ канцеляріяхъ большую часть своихъ университетски-образованныхъ жителей. Олонцкая губернія представляетъ какъ бы исключеніе изъ всѣхъ сѣверныхъ губерній по высокому проценту мировыхъ судей съ высшимъ образованіемъ; объясненіе этому слѣдуетъ искать въ томъ, что введеніе мирового института въ этой губерніи относится къ позднѣйшему времени.

Выборные мировые судьи—члены мѣстнаго общества и ихъ составъ въ отношеніи образовательнаго ценза отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, уровень образованія всего мѣстнаго общества, степенъ распространенія въ немъ университетскаго и средняго образованія. По свѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія на прошлый 1895 годъ ассигновано: на университеты—3.800.797 р.; на гимназій, реальныя и промышленныя училища—8.624.711. р. При стомилионномъ населеніи государства блага эти, считая на одного человѣка, составляютъ только 38 к. въ годъ на высшее образованіе и 86 коп. на среднее.

Н. Окуневъ.

IV.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ УСЛОВІЯХЪ СЛѢДОВАТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Туркестанскомъ краѣ дѣйствуетъ Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края 1886 года, слѣдствія по преступленіямъ, болѣе или менѣе тяжкимъ, производятся тамъ съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ во II части XVI т. Свода Зак., изд. 1892 года.

Главные затрудненія чиповъ судебнаго вѣдомства при испол-

неніи служебныхъ обязанностей, во время производства слѣдствія, обуславливаются преимущественно двумя обстоятельствами: 1) свойствами климата края, а также характеромъ его чрезвычайно разнообразной мѣстности, и 2) обстоятельствами, зависящими всецѣло отъ условій жизни, обычаевъ и законовъ мѣстнаго туземнаго населенія.

Обращаясь къ условіямъ мѣстности Самаркандской области, и долженъ замѣтить, что все время трехлѣтней своей слѣдственной практики я имѣлъ возможность хорошо, всесторонне, познакомиться лишь съ уѣздами Самаркандскимъ и Джизакскимъ.—Территорія перваго изъ нихъ менѣе втораго, по своей величинѣ. Самаркандскій уѣздъ равняется половинѣ Швейцаріи и раздѣленъ онъ на два слѣдственныхъ участка: 1) городъ Самаркандъ и его ближайшія окрестности пространствомъ, приблизительно, 1500 квадратныхъ верстъ, и 2) собственно уѣздъ, пространствомъ 16000 квадратныхъ верстъ.

Характеръ природы Самаркандскаго уѣзда самый разнообразный: онъ заключаетъ въ себѣ все типы мѣстностей Туркестанскаго края, за исключеніемъ обширныхъ степей, которыми изобилуетъ Джизакскій уѣздъ. Центръ Самаркандскаго уѣзда населенъ довольно густо; почва его плодородная, благодаря рѣкѣ Зеравшану. Часть этой Зеравшанской долины составляютъ богарныя земли, орошаемыя атмосферной влагой, какъ напримѣръ въ волостяхъ: Чашмаабской, Кара-Гюбинской, Урзутской, Пенджекентской, Усматы-Катартаявской, Гюлтаргарской и Хатча-Муьгурской. Вся долина окружена горами Туркестанскаго и Гисарскаго хребта, восточная же часть Пенджекентскаго участка занята исключительно высокими, дикими горами Туркестанскаго хребта.

Дикостью природы и затруднительностью проѣзда въ особенности отличаются волости: Фальгарская, Матчинская, Искандеровская и Магіано-Фарабская. Есть такіе кишлаки (поселки), которые въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершенно изолированы другъ отъ друга, вслѣдствіе невозможности проѣзда въ жестокую зимнюю непогоду перѣдко въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ такое время горцы живутъ своею особенною замкнутою жизнью, довольствуясь тѣми скудными средствами, которыми они успѣли заготовить въ благоприятное время года. Дорога въ горныхъ волостяхъ во многихъ мѣстахъ пролегаетъ по высокимъ карнизамъ ¹⁾, часто

¹⁾ Карнизами называются горныя тропинки шириною около 1—1½ арш. Съ

такимъ узкимъ, что даже двѣ выючныхъ лошади, встрѣтившись, не могутъ разойтись на нихъ. Черезъ бушующій Зеравшанъ, съ шумомъ извивающійся между высокими, отвѣсными, исполинскими скалами, около которыхъ лѣзятся карнизы,—перекинуты легонькіе, животрепещущіе мостики, проѣзжать по которымъ рѣшаются не многіе храбрецы, а въ большинствѣ случаевъ люди благоразумные, не желая рисковать жизнью, переправляются черезъ нихъ гнѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу.—Здѣсь же встрѣчаются довольно значительные подъемы, какъ напримѣръ Кули-Калянскія высоты 12 т. фут., Кшартанскій переваль съ вѣчно снѣжной вершинной, и многіе другіе. Верховья Зеравшана, въ концѣ Матчинской волости, на высотѣ до 18 т. фут., заканчиваются ледниками, изъ которыхъ и беретъ начало благодѣтельный Зеравшанъ, питающій такое огромное количество земли, включая сюда и Бухарское ханство, которое безъ помощи Зеравшана погибло бы, неминуемо, голодною смертію.

Отсутствіе хорошихъ сообщеній, недостатокъ пастбищъ и пашень лишаютъ горцевъ тѣхъ удобствъ, которыми пользуются жители долины, вслѣдствіе чего горцы довольствуются самымъ малымъ. Вообще горецъ не прихотливъ: рубаха, шаровары—домашняго тканья, горные сапоги (чарики) съ мягкой подошвой, а то и просто козья шкурка, перевязанная веревкой и халатъ изъ домашняго же сукна, выработаннаго изъ козьей шерсти, коричневаго, чернаго и сѣраго цвѣтовъ,—вотъ самое прихотливое убранство горца. Самая незатѣйливая пища—тутъ талканъ (сушеный, перетертый и прессованный тутъ), лепешка изъ муки пополамъ съ бурчакомъ (родъ гороха), катыкъ (кислое молоко изъ овечьяго и козьяго молока), чурюдка шурна (супъ) и пловъ съ козлятиной,—составляютъ меню нетребовательнаго горца.—Есть въ горахъ такіе киплаки, гдѣ поголовно всѣ занимаются нищенствомъ (гадаи).

Я позволялъ себѣ такъ много распространяться о жизни горцевъ для того, чтобы дать возможность понять, хотя отчасти, въ какихъ условіяхъ находятся слѣдователь и другіе административныя чины, командируемые по дѣламъ службы въ эти непроглядные уголки человѣческаго міра. Не говоря про трудность пути, неудоб-

одной стороны, ихъ крутой обрывъ во многихъ мѣстахъ доходитъ до 2000 футовъ глубины съ бушующимъ внизу Зеравшаномъ, а съ другой—отвѣсная, неприступная скала.—Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ почему-либо невозможно было проложить подобныя карнизы, въ скалы вколачиваются горизонтально сваи и устраивается на нихъ родъ животрепещущаго балкона изъ хвороста, щепня и арчевыхъ бревенъ.

ство ночлега, въ особенности въ зимнее время, когда морозы достигаютъ въ горахъ ужасныхъ размѣровъ (домашнія животныя и птицы замерзають въ конюшняхъ), а во время гололедицы ежеминутный рискъ слетѣть въ пропасть, командируемому лицу приходится запасаться еще всевозможною провизіей для себя и сопутствующихъ лицъ и кормомъ для лошади, такъ какъ встрѣчаются кишлаки, гдѣ ни за какія деньги ничего нельзя достать.

Джизакскій уѣздъ имѣетъ только съ южной своей стороны горную мѣстность, которая не уступаетъ Пенджекентскому участку, а всю остальную часть уѣзда составляетъ обширная степь (волости Кизиль-Кумская, Ата-Бурганская, Чардаринская и Фисталитауская). Эта степь частью песчаная съ саксаульными зарослями, какъ въ Закаспійской области, частью имѣющая обыкновенную, среднеазіатскую, илестую почву. По своей обширности эта степь какъ-бы безконечна: она тянется и до Черовска, Сырь-Дарьинской области, и доходитъ до Аму-Дарьинскаго отдѣла.

Климатъ Туркестанскаго края благопріятенъ лишь весною въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, а также осенью въ сентябрѣ и октябрѣ. Лѣтомъ же страшная жара, доходящая въ нѣкоторые дни до 50° по Реомюру, отравляетъ всякое существованіе. Зимой постоянные дожди, сырость, слякоть, а иногда и снѣгъ, который обыкновенно лежитъ недѣли двѣ, а то и мѣсяцъ, чаще же всего выпавшій ночью снѣгъ успѣваетъ въ теченіе дня растаять, образуя жидкую грязь. Бываютъ случаи, хотя рѣдко, что морозъ въ этомъ краѣ доходитъ до 15 градусовъ.

Природа въ Туркестанскомъ краѣ очень разнообразная: она въ полной зависимости отъ условій мѣстности и времени года. Весною въ степи вы увидите прекрасную растительность, все зеленѣетъ и покрывается какъ-бы сплошнымъ ковромъ; лѣтомъ же степь представляетъ изъ себя необъятное пустынное пространство, обожженное палящими лучами солнца. Въ горахъ, на вершинахъ, встрѣчаются арчевья, орѣховья и кленовые деревья, а вся долина Зеравшана и долины другихъ горныхъ рѣчекъ, гдѣ только возможно орошеніе, покрыты плодородными полями, фруктовыми садами, виноградниками, а около Зеравшана рисовыми полями. Вездѣ, во всѣхъ орошаемыхъ мѣстахъ, вы встрѣтите густо населенные кишлаки. Кочевники живутъ въ разбросанныхъ по степи аулахъ, которые мѣняютъ свое мѣстоположеніе, смотря по достаточности корма (пастбища) для скота, такъ какъ мѣстные кочевники преимущественно занимаются скотоводствомъ.

Въ горныхъ волостяхъ кишлаки ютятся близъ рѣчекъ и по ущельямъ горъ, имѣя кругомъ себя живописныя окрестности съ фруктовыми деревьями, расположенными частью на значительныхъ крутизнахъ, почему обработка ихъ представляетъ не мало затрудненій. Случается иногда видѣть поля, силою усѣянныя мелкими камнями. На первыхъ порахъ можно подумать, что это происходитъ отъ лѣности и нерадѣнія горца, но каково же бываетъ удивленіе, когда узнаешь, что камни эти набросаны умышленно, съ цѣлью задержать хоть сколько-нибудь дождевую влагу на пашнѣ и тѣмъ доставить землѣ возможное питаніе, безъ чего вода непродуцательно скатывалась бы къ подножью горъ и кромѣ того увлекала бы за собою и самыя зерна.

Хорошіе пути сообщенія существуютъ только въ мѣстностяхъ, гдѣ расположены торговые центры, каковы напримѣръ города Самаркандъ, Пенджикентъ и кишлаки Ургутъ, Кара-Тюбе, Дауль, Даг-битъ, Яны-Курганъ и Челекъ. По дорогамъ, соединяющимъ эти города и села, возможно проѣхать даже въ экипажѣ, другіе же населенные пункты соединены между собою вьючными путями, представляющими возможность проѣзда только верхомъ. Если бы и случилось кому-либо доѣхать до кишлака въ экипажѣ, то во всякомъ случаѣ дальше пришлось бы ѣхать верхомъ, такъ какъ улицы въ кишлакахъ очень узки и не приспособлены къ ѣздѣ въ экипажахъ. Въ подобныхъ случаяхъ экипажи бросаютъ близъ кишлака, а путники и вещи ихъ доставляются въ кишлаки на верховыхъ лошадяхъ.

Вся долина по Зеравшану населена большею частью узбеками и лишь въ небольшомъ количествѣ таджиками; остальные мѣстности Самаркандскаго уѣзда и въ особенности Джизакскій уѣздъ населены киргизами; города же и горныя долины изобилуютъ таджиками. Кочевые киргизы для жилища имѣютъ юрты, или кибитки изъ войлока (кошма), натянутого на куполообразный, деревянный изъ тонкихъ жердей остовъ, узбеки же, занимающіеся хлѣбонашествомъ, живутъ въ такъ называемыхъ сакляхъ—помѣщеніяхъ въ родѣ нашихъ избъ, только безъ оконъ съ нѣсколькими, взаимно ихъ, двухстворчатыми дверями и безъ печей. Помѣщенія эти имѣютъ плоскія крыши, сквозь которыя, во время весеннихъ и осеннихъ дождей, вслѣдствіе недосмотра и плохой смазки ихъ глиной съ мелко молоченой соломой (саманомъ), вода просачивается всюду и льетъ ручьями, такъ что обитателямъ приходится спасаться по угламъ сакли подъ разными приспособленіями. Для согрѣванія въ зимнее

время туземцы употребляют „садали“, особый род жаровни. Устраивается она такъ: вырывается въ полу сакли небольшая, величиною въ квадратный аршинъ и вершка въ два глубины, ямка; въ нее накладываютъ горящіе угли. Поверхъ углубленія ставятъ большую, низкую, деревянную табуретку и покрываютъ ее толстымъ ватнымъ одѣяломъ. Такал табуретка замѣняетъ собою и столъ, а размѣстившіеся вокругъ нея туземцы, пряча ноги подъ одѣяло, получаютъ довольно пріятную теплоту, а иногда, случается, и довольно сильный ревматизмъ.

Ко всѣмъ неудобствамъ путешествія по кичлакамъ въ ненастное время слѣдуетъ еще присоединить лихорадку, жестоко свирѣпствующую, благодаря сильной влагѣ въ искусственно-орошаемыхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ Джизакѣ и другихъ мѣстахъ Самаркандской области, расположенныхъ близъ рисовыхъ полей. Со всѣми этими неудобствами Туркестанской жизни приходится бороться чиновнику, развѣзжающему по дѣламъ службы, въ особенности слѣдователю (помощнику мирового судьи), отъ котораго въ извѣстныхъ случаяхъ (необходимость осмотрѣть, обыскать и проч. въ такихъ преступленіяхъ, какъ убійство, разбой и т. п.) требуется немедленное прибытіе на мѣсто происшествія. Эта быстрота главнымъ образомъ является необходимой при производствѣ слѣдствій по убійствамъ, когда трупъ убитаго, при сильной средне-азиатской жарѣ, подвергается быстрому разложенію, вслѣдствіе чего опоздавшему прибыть на мѣсто происшествія слѣдователю невозможно бываетъ опредѣлить даже признаки насильственной смерти и даже описать примѣты лица убитаго.

Такимъ образомъ отъ Туркестанскаго слѣдователя требуется, чтобы онъ былъ прежде всего безукоризненный ѣздокъ, не боялся бы ни горныхъ тропинокъ, ни карнизовъ и обрывовъ,—привыкъ бы къ жгучей жарѣ, непогодѣ въ позднюю осень и зиму, къ убійственнымъ зимнимъ ночлегамъ въ верховьяхъ рѣки Зеравшана и къ работѣ тамъ на полу безъ приспособленія, при омерзѣ туземцевъ, когда отъ холода не только руки, но и чернила замерзаютъ; необходимо также, чтобы онъ легко переносилъ и остальные неудобства бивуачной жизни, сопряженной часто съ очень большими лишениями, а главное, по возможности, не подвергался заболѣванію лихорадкой, этому ужасному бичу нѣкоторыхъ мѣстностей Туркестанскаго края.

Помню я изъ своей слѣдственной практики слѣдующее. Въ Самаркандѣ я былъ назначенъ изъ Ревельскаго окружнаго суда.

Когда я прибылъ на мѣсто новаго служенія, мнѣ при передачѣ участка говорили, что завѣдывать имъ легко и разѣзды не особенно большіе; на дѣлѣ же оказалось другое. На родинѣ я считался довольно хорошимъ наѣзднякомъ. Не успѣлъ я принять участокъ, 2-го іюня 1892 года, какъ разъ при появленіи въ Самаркандской области холерной эпидеміи, какъ мною было получено донесеніе объ убійствѣ въ степи Хатча-Мукурской волости на лѣтовкахъ кишлака Кизиль-Булакъ, въ разстояніи около 85-ти верстъ отъ Самарканда. Не привыкшій къ ѣздѣ верхомъ на большія разстоянія, я въ самое жаркое время года выѣхалъ изъ Самарканда утромъ въ 5 часовъ и, сдѣлавъ первый переѣздъ въ 25 верстъ, совершенно истомился: колѣни мои болѣли до такой степени, что я принужденъ былъ неоднократно слѣзая съ лошади, дѣлать частыя привалы и такимъ образомъ поддерживать свои силы. По условію съ уѣзднымъ врачомъ, сильно занятымъ своими обязанностями по случаю появленія холеры, мы должны были быть на мѣстѣ происшествія утромъ на другой день нашего выѣзда изъ Самарканда. Во время пути намъ пришлось два раза переправляться черезъ Зеравшанъ, который, вслѣдствіе таянія снѣга въ горахъ, въ то время сильно бушевалъ и былъ очень полноводенъ. Платье наше и вещи измокли. Солнце жгло немилосердно и жара въ полдень достигла 45° по Реомюру. Въ 7 часовъ вечера того-же дня мы пріѣхали на мѣсто происшествія. Я былъ совершенно разбитъ и въ конецъ изнуренъ такимъ, сравнительно длиннымъ на первый разъ, переѣздомъ; но, благодаря особой заботливости мѣстнаго волостнаго управителя, я скоро восстановилъ свои силы и на слѣдующій день утромъ могъ не только начать производство слѣдствія, но и окончить его. Въ этотъ же день я выѣхалъ обратно въ Самаркандъ, куда и прибылъ утромъ на слѣдующій день. Однако первый опытъ поѣздки далъ себя знать. Мнѣ пришлось, по совѣту врача, пролежать двое сутокъ.

Все это переживаетъ каждый пріѣхавшій въ Туркестанскій край чиновникъ, служба котораго сопряжена съ поѣздками; но практика, привычка, а главное здоровье, все преодолеваютъ, и то, что казалось на первое время затруднительнымъ, впоследствии стало дѣломъ обыкновеннымъ. Еще большія неудобства приходится испытывать зимою и осенью, когда холодъ, дожди, а иногда снѣгъ, дѣлаютъ разѣзды чрезвычайно затруднительными. Я уже говорилъ выше о тѣхъ неудобствахъ, какія испытываетъ чиновникъ въ холодное время въ неприглядныхъ туземныхъ помѣщеніяхъ, ничѣмъ не

отапливаемыхъ и часто съ нежелаемыми душами, гдѣ измокшій до костей путникъ не можетъ ни обсохнуть, какъ слѣдуетъ, ни отдохнуть, хотя немного, отъ испытанныхъ въ пути неудобствъ. Совсѣмъ не то—въ Европейской Россіи, гдѣ развѣзжающій по дѣламъ службы чиновникъ имѣеть возможность въ своемъ экипажѣ прикрыться отъ непогоды, гдѣ, хотя и въ грязной избѣ, но все-же въ тепломъ помѣщеніи, онъ можетъ обсушиться и обогрѣться при болѣе или менѣе сносной и удобной обстановкѣ. Тамъ не приходится слѣдователю отбирать показанія и записывать ихъ, лежа на животѣ (столовъ и стульевъ въ помѣщеніяхъ туземцевъ Туркестанскаго края не имѣется),—вывода буквы и слова полуокоченѣлой рукой. При такихъ условіяхъ слѣдователю приходится на мѣстѣ происшествія ограничиваться лишь самыми неотложными дѣйствіями, какъ-то: допросомъ главныхъ свидѣтелей, осмотромъ мѣста преступленія, освидѣтельствованіемъ труповъ и составленіемъ обо всемъ этомъ протоколовъ, допросъ же остальныхъ свидѣтелей и другія слѣдственные дѣйствія—очные своды и очныя ставки—отлагать до другаго раза, дѣлая вызовы лицъ въ болѣе удобное помѣщеніе, чаще всего въ свою камеру въ гор. Самаркандѣ.

Въ моей практикѣ мнѣ приходилось часто совершать поѣздки для производства слѣдствія подъ дождемъ на разстоянія болѣе 50 верстъ въ конецъ. Помню, разъ мнѣ пришлось ѣхать въ концѣ января мѣсяца 1894 года въ кишлакъ Шейхляръ, Сергалинской волости, въ разстояніи 65 верстъ отъ Самарканда, гдѣ въ серединѣ рисовыхъ полей найденъ былъ трупъ неизвѣстнаго человѣка. Отложить поѣздку было нельзя. Во все время нашей поѣздки лилъ непрерывный дождь; лошади, вслѣдствіе сильной грязи и тинистой почвы, были изнурены и шли медленно, шагъ за шагомъ, такъ что, выѣхавъ верхомъ изъ Самарканда рано утромъ, мы только къ вечеру достигли цѣли своей поѣздки. Намъ отвели одно изъ лучшихъ помѣщеній кишлака Шейхляра, населеніе котораго, изнуренное сильными, постоянными лихорадками, не отличается зажиточностью. На другое утро, осмотрѣвъ наше лучшее въ кишлакѣ помѣщеніе, я, ради курьеза, сталъ считать, въ сколькихъ мѣстахъ потолокъ нашъ далъ течь; оказалось—въ двѣнадцати.

Не мало представляютъ затрудненій также и поѣздки по степямъ или горнымъ мѣстностямъ: въ первомъ случаѣ отсутствіе всякаго удобства, корма для лошадей, хорошей воды, спяная жара, а во второмъ—трудность пути и, отчасти, небезопасность его.—Помню я, какъ во время завѣдыванія Джизакскимъ миро-

вымъ и слѣдственнымъ участкомъ мнѣ пришлось, разъ въ январѣ и въ другой разъ въ апрѣлѣ мѣсяцахъ 1893 года, совершить поѣздку изъ Джизака по дѣламъ службы въ Кызылт-Кумскую степь, въ аулъ Аякъ-Кудукъ, на границѣ Аму-Дарьинскаго отдѣла, на разстояніи 400 верстъ отъ Джизака къ Бухарскимъ владѣніямъ. До аула Аякъ-Кудукъ мнѣ съ проводниками пришлось ѣхать вдали отъ Каратаускихъ (Нуратинскихъ) горъ, чрезъ кишлаки: Пурекъ, Богданъ, Сафоратъ, Синтабъ и другіе.—Въ этихъ кишлакахъ мы еще пользовались кое-какими удобствами; съ достиженіемъ же аула Аякъ-Кудука—начали сказываться степныя неудобства и лишеныя кочевой жизни: намъ приходилось возить съ собой на верблюдахъ кормъ для лошадей на разстояніе 40—50 верстъ. Аякъ-Кудукъ, бывший малый таможенный пунктъ, расположенъ въ центрѣ киргизскихъ лѣтенокъ, почему и могъ служить лучшимъ мѣстомъ для производства слѣдствія. Подлежало допросу 150 человекъ.—По каково же было мое разочарованіе, когда на другой день нашего прибытія ко мнѣ обратились киргизы съ просьбой продолжать допросы въ другомъ мѣстѣ, верстахъ въ 50 отъ Аякъ-Кудука, такъ какъ въ этомъ аулѣ вода была вся выпита. Точно также и у втораго колодца мы могли оставаться по той-же причинѣ только до вечера. Такимъ образомъ намъ пришлось мѣнять колодцы 3 раза. Легко понять, разумѣется, насколько вредно отзываются такіа перекочевки на ходѣ самаго слѣдствія, не говоря уже о томъ, что временная камера въ юртѣ, безъ стола и сидѣнья, не особенно много представляетъ удобства для работы. Но дѣлать печего, приходилось вполнѣ подчиняться мѣстнымъ условіямъ и жить по неволѣ истымъ момадомъ въ теченіе 20 дней, испытывая всѣ невзгоды кочевой жизни, подвергаясь всеобщей непогодѣ и дѣлая при этомъ болѣе 50 верстъ въ сутки, не слѣзая съ лошади.

Недалеко отъ мѣстности Туртъ-Кудукъ Тузканамъ (соленыя озера), Фистаметауской волости, намъ пришлось три дня жить въ сыпучихъ пескахъ, испытывая на себѣ дѣйствіе этой убійственной песочницы, пить изъ колодцевъ горько-соленую воду, или же довольствоваться свѣжкою водою, собранною съ жалкихъ пастбищъ, отчего видъ ея напоминалъ цвѣтъ крѣпко-настояннаго чая.—Обратно мы вернулись въ Джизакъ чрезъ Ата-Курганскую волость 15 марта, сдѣлавъ такимъ образомъ около 1000 верстъ—поѣздку, которой могъ бы похвастаться любой кавалеристъ Европейской Россіи. Я долженъ еще замѣтить, что, благодаря содѣйствію мѣстной администраціи, въ лицѣ уѣзднаго начальника, наша по-

ѣздка могла считаться комфортабельной, въ сравненіи съ тѣми неудобствами, какія испытываютъ вообще въ степи путешественники.

Завѣдывая 2-мъ слѣдственнымъ участкомъ Самаркандскаго уѣзда, я совершилъ другую продолжительную поѣздку въ май мѣсяцѣ 1894 года, но совершенно другаго характера. Получено было дознание Матчинскаго волостнаго управителя объ убійствѣ въ кишлакѣ Сабакъ, въ разстояніи 325 верстъ отъ Самарканда, въ горахъ возлѣ Зеравшана. Дознаніе было получено 29 апрѣля, а 1 мая я и уѣздный врачъ выѣхали на мѣсто происшествія. До Пенджикента, отстоящаго отъ Самарканда въ 61 верстѣ, дорога экипажная; за Пенджикентомъ же начинается вьючный путь и, начиная отъ моста „Дупула“, въ 16 верстахъ отъ Пенджикента, идетъ то по правому, то по лѣвому берегу Зеравшана. До кишлака Урмитана (центръ Фальгарской волости) дорога, за исключеніемъ нѣсколькихъ подъемовъ, можно сказать прекрасная: затѣмъ уже слѣдуютъ горныя тропинки и тѣ знаменитыя карнизы, о которыхъ я выше говорилъ подробно. Я долженъ сказать, что въ май мѣсяцѣ горная природа начинаетъ оживать, горы покрываются зеленью, жители разобщенныхъ зимнимъ бездорожьемъ кишлаковъ получаютъ возможность сношеній съ сосѣдями, воздухъ насыщается ароматомъ горныхъ пахучихъ травъ, а потому поѣздка въ это время года къ верховьямъ рѣки Зеравшана представляетъ не мало удовольствія, не считая, разумѣется, трудности, утомительности и, отчасти, небезопасности самаго пути.—По горнымъ тропинкамъ намъ пришлось сдѣлать около 200 верстъ, изъ коихъ верстъ 70 по карнизамъ и балконамъ. По послѣднимъ въ большинствѣ случаевъ приходилось идти пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Путь, какъ я сказалъ, не безонасенъ: малѣйшая неосторожность и вы въ одинъ мигъ можете очутиться на днѣ обрыва, или же сдѣлаться жертвою столь частыхъ горныхъ обваловъ.

Много разсказывается и былей, и небылицъ про путешествія по карнизамъ. Говорятъ, на примѣръ, что во время одного изъ горныхъ походовъ вьюкъ генераль-лейтенанта Абрамова, нынѣ умершаго, перваго начальника бывшаго Зеравшанскаго округа, погибъ безслѣдно, оборвавшись съ карниза. Разсказываютъ также о случаяхъ, когда неожиданно встрѣтившіеся въ узкихъ мѣстахъ карнизовъ всадники кидали жребій, кому изъ нихъ придется столкнуть въ пропасть свою лошадь, такъ какъ развѣхаться въ такихъ мѣстахъ двумъ лошадямъ съ вьюками не представляется никакой возможности. Наконецъ, почти на моихъ глазахъ былъ такой случай.

Въ Разскомъ аксакальствѣ проводники предложили мнѣ сдѣлать крюкъ вереть въ 35, дабы объѣхать мѣстность, въ которой обвалы случаются постоянно. Не желая замедлять свою поѣздку, мы, не взирая на предупрежденіе объ опасности, рѣшили ѣхать прямымъ путемъ; дорога шла узенькими карнизомъ изъ щебня, постоянно скатывающагося внизъ. Тихо, осторожно, шагъ за шагомъ двинулись мы въ путь. Справа отъ насъ на глубинѣ 2000 фут. грохоталъ Зеравшанъ, а слѣва вздымались массивныя глыбы. Дорога шла круто въ гору. Въ то самое время, когда мы находились на самомъ крутомъ мѣстѣ подъема, сверху сорвалось нѣсколько камней, пролетѣвшихъ мимо насъ со скоростью гранаты, а вслѣдъ затѣмъ посыпался на насъ, въ видѣ картечи, увлеченный камнями мелкій щебень, но, благодаря Богу, мы избѣжали опасности, прячась за нашихъ лошадей, привыкшихъ къ горнымъ дорогамъ и разнымъ случайностямъ. Вечеромъ, по прѣздѣ на стоянку, я почувствовалъ сильную боль въ ногахъ и рукахъ, а тѣло мое было все покрыто сняжками (слѣды мелкаго щебня). На обратномъ пути я узналъ, что спустя день послѣ нашего проѣзда чрезъ опасныя мѣста, обваломъ же былъ убитъ одинъ проѣзжій горецъ. На седьмой день нашего путешествія мы прибыли на мѣсто преступленія. Это было ровно двѣ недѣли послѣ его совершенія. Спрашивается: можно ли въ подобныхъ случаяхъ разсчитывать на обнаруженіе преступленія по горячимъ слѣдамъ? Единственное обстоятельство, благопріятствующее успѣху производства слѣдствія и сохраненію слѣдовъ преступленія, — это благодѣтельное свойство горной сухой пзвестковой почвы, способной сохранять тругъ совершенно нетронутымъ въ теченіе долгаго времени; бывали случаи, когда, по вырытіи труна черезъ два года послѣ совершенія преступленія, можно было опредѣлить на кожѣ и раны, и знаки насилія.

Выше я говорилъ о такихъ мѣстностяхъ въ горахъ, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году прекращается всякое сообщеніе между горными кишлаками. Само собой разумѣется, что и судебному слѣдователю проѣхать по такимъ мѣстамъ въ известное время года также не мыслимо. Помню я, мною было получено дознаніе отъ Фальгарскаго волостнаго управителя 20 января 1895 года о томъ, что на берегу Фанъ-Дарьи, не далеко отъ кишлака „Пети“, въ обрывѣ было найдено тѣло кушца-туземца съ пробитымъ черепомъ, причемъ товара при немъ не оказалось. Требовалось въ данномъ случаѣ немедленное прибытіе слѣдователя на мѣсто преступленія, что я попробовалъ выполнить. До кишлака

Пети отъ Самарканда около 200 верстѣ. Не доѣзжая 30 верстѣ до мѣста находженія трупа, проводники мои, не смотря на настоятельныя съ моей стороны требованія, отказались далѣе слѣдовать, изъ опасенія быть заживо погребенными спѣжными обвалами, и я былъ принужденъ вернуться обратно, отложивъ производство слѣдствія и поѣздки свою до болѣе благоприятнаго времени.

Чтобы имѣть представленіе, до какой степени помощникъ мирового судьи, завѣдывающій 2-мъ Самаркандскимъ участкомъ, обремененъ поѣздками, надо знать число дней, поѣздокъ и верстѣ, которыя ему въ теченіе года приходится проѣзжать верхомъ. Самаркандскій уѣздъ раздѣленъ на два слѣдственныхъ участка: первый участокъ по району небольшой, обнимаетъ собой городъ Самаркандъ и ближайшія къ городу волости, крайніе предѣлы которыхъ простираются не далѣе 20 верстѣ отъ города, а второй участокъ— всю остальную часть уѣзда. Самое маленькое разстояніе во 2-мъ участкѣ—15 верстѣ, а самое большое до верховьевъ рѣки Зеравшана—отъ 300—400 верстѣ. Въ участкѣ совершается ежегодно до 40 убійствъ или другихъ преступленій, требующихъ безотлагательнаго выѣзда слѣдователя на мѣсто происшествія; изъ нихъ 2—5 въ разстояніи болѣе 150 верстѣ отъ города Самарканда, отъ 5—8 въ разстояніи около 100 верстѣ и больше отъ города Самарканда, а остальные въ окрестности города Самарканда, т. е. въ разстояніи болѣе частью отъ 25—65 верстѣ. По мѣсяцамъ поступленіе дѣлъ распределяется такъ: съ апрѣля по сентябрь—самое большое количество поступленій, до 25 дѣлъ, вслѣдствіе того, что туземцы въ это время не живутъ въ своихъ кишлакахъ, а въ своихъ садахъ, дачахъ, въ степи и горахъ, гдѣ развиваются разныя интриги между ними изъ-за земли, воды, женщинъ, бачей, скота и т. д.; на зимнее время—ноябрь, декабрь и январь—приходится наименьшее количество, всего около 5; среднее поступленіе падаетъ на остальные мѣсяцы. Проѣзжать верхомъ помощнику мирового судьи, въ общей сложности, приходится въ теченіе года до 4000 верстѣ и быть въ отсутствіи изъ города Самарканда отъ 125—150 дней (цифры, понятно, обозначены приблизительно). Само собой разумѣется, что на время этихъ продолжительныхъ поѣздокъ въ горы, продолжающихся отъ 2—5 недѣль, городской участокъ остается заброшеннымъ, дѣла и переписка въ отсутствіе слѣдователя залеживаются и часто вернувшись изъ поѣздки утомленному и страдающему сильной лихорадкой слѣдователю приходится немедленно выѣзжать опять на мѣсто новаго происшествія. Помню я, напримѣръ, что въ іюнѣ

1893 года мнѣ пришлось по случаю частыхъ убійствъ быть въ уѣздѣ 6 разъ, а въ маѣ 1895 года даже 7 разъ; въ это время я дома только успѣвалъ почевать и иногда днемъ производить въ городѣ самыя безотлагательныя слѣдственныя дѣйствія, какъ-то допросъ обвиняемыхъ и т. п.

Говоря объ условіяхъ климатическихъ и топографическихъ Туркестанскаго края, съ которыми служащимъ въ этомъ краѣ слѣдователямъ приходится постоянно считаться, я неизбѣжно долженъ былъ коснуться характера и быта населенія. Поэтому изъ условій второй группы, составляющихъ, какъ мною указано было раньше, не малыя затрудненія при производствѣ слѣдствій, я могу въ данномъ случаѣ ограничиться указаніемъ лишь на одну характерную особенность юридическихъ понятій туземцевъ Туркестанскаго края.

Всякое производство по преступленіямъ и проступкамъ начинается по частной жалобѣ и можетъ быть окончиваемо примиреніемъ. Таково коренное отлчіе мусульманскихъ правовыхъ понятій отъ европейскихъ, и оно-то рѣдко является непреодолимымъ препятствіемъ въ розысканіи слѣдовъ преступленія. Совершившій преступленіе и не разсчитывающій болѣе остаться необнаруженнымъ туземецъ начинаетъ заботиться о томъ, какъ-бы другимъ путемъ добиться безнаказанности. Съ этою цѣлью онъ принимаетъ все мѣры къ тому, чтобы покончить дѣло миромъ, и, если преступникъ—человѣкъ со средствами или располагаетъ кредитомъ, то рѣдко эти попытки не увѣнчиваются успѣхомъ. А разъ примиреніе состоялось, положеніе слѣдователя безнадежное. Все свидѣтели, все мѣстныя власти, всегда на этотъ случай задобренные, дадутъ показанія въ пользу подозрѣваемаго, и добиться истины уже нѣтъ никакой возможности. Подкупность туземцевъ изумительна, а потому и склонность къ лжесвидѣтельству до ужасающихъ размѣровъ. Бороться съ этимъ зломъ слѣдователю весьма трудно, въ особенности если онъ не знакомъ съ языкомъ туземцевъ и мѣстными нарѣчіями. Плохіе, сплошь и рядомъ, переводчики массу зла вносятъ въ дѣлопроизводство еще и потому, что они платъ отъ плоти и кости отъ костей того-же мусульманскаго населенія и подкупностью грѣшатъ не менѣе другихъ, внося въ слѣдственный матеріалъ часто непоправимый вредъ.....

Г. фонъ-Ренненкампфъ.